

К ИСТОРИИ НАЗВАНИЯ ПОВЕСТИ К. ВОРОБЬЕВА «УБИТЫ ПОД МОСКВОЙ»

А.В. Иванов (г. Могилев)

Повесть К. Воробьева «Убиты под Москвой» была написана в 1961 году. Почти два года автор не имел возможности опубликовать ее в каком-либо из журналов. Отказывали ему в публикации под различными предлогами, но и для самого автора, и для тех, кто не решался поучаствовать в судьбе книги, было очевидно: причина в необычной смелости изображения войны, бескомпромиссности авторской позиции. В конце 1962 года К. Воробьев решает направить повесть в «Новый мир», что сам впоследствии назвал «дерзостью». Повесть была опубликована в 1963 году во втором номере. После появления повести К. Воробьев 11 апреля 1963 года отправляет А. Твардовскому восторженное письмо, свидетельствующее о глубоком понимании роли последнего в текущем литературном процессе, в истории русской литературы: «В эти дни смуты и разврата в нашей литературе я испытываю глубокую потребность обратиться к Вам вот с этим письмом и сказать Вам великое спасибо за Вашу голубиную чистоту, мужество, заботу и тревогу о всех тех, кому дорога честь русского писателя и судьба Родины». Глубокую благодарность к А. Твардовскому, как к человеку, который помог ему «писать и жить», К. Воробьев хранил все годы. Сам А. Твардовский, объясняя свое решение опубликовать книгу, сказал автору: «Вам удалось сказать несколько новых слов о войне».

К «новомировской прозе» шестидесятых годов у современников отношение было особое, сам факт публикации в журнале свидетельствовал о художественной и социальной значимости произведения. Это понимал сам автор, почитатели его творчества, осознавали и те, для кого позиция журнала была неприемлема. Выход в свет повести почти совпал с публикацией знаковых для русской литературы произведений. В одиннадцатом номере этого журнала в 1962 году появился «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына, а в первом номере за 1963 год его же «Матренин двор» и «Случай на станции Кречетовка».

Как известно, А. Твардовский, принимавший самое активное участие в судьбе вышеупомянутых произведений А. Солженицына, был инициатором или радикальной замены («Один день Ива-

на Денисовича», «Матренин двор»), или корректировки («Случай на станции Кречетовка») их названий. На выбор заглавия повести К. Воробьева непосредственным образом повлиял не сам поэт, а его творчество.

Эпиграфом К. Воробьев взял три строфы одного из самых знаменитых стихотворений А. Твардовского «Я убит подо Ржевом», структуру заглавия которого с небольшими изменениями и воспроизводит в названии своей повести. В самом стихотворении есть строки, явно подсказавшие подобное творческое заимствование:

*Я убит подо Ржевом,
Тот еще под Москвой.*

К. Воробьев, выбирая форму третьего лица – «убиты», отталкивается от вопросительных интонаций стихотворения:

*Я убит и не знаю,
Наш ли Ржев наконец?*

Он пишет о тех, кто убит еще под Москвой, кто не представлял себе истинных масштабов трагедии. Подчеркивая идейную близость стихотворения и повести, писатель уже непосредственно в тексте произведения прозаически откликается на одну из приведенных в эпиграфе строф:

*Нам свои боевые
Не носить ордена.
Вам – все это, живые.
Нам – отрада одна.*

В повести к этим строкам отсылает следующий отрывок: «Это нужно было не им, здоровым и живым, а семнадцати раненым и тем еще одиннадцати, что навсегда остались в горящем селе, кому уже никогда не придется носить ни кубарей на петлицах, ни орденов на груди».

Менее очевидно еще одно скрытое цитирование строк стихотворения, не вошедших в эпиграф:

*Фронт горел не стихая,
Как на теле рубец.*

В повести фронт рисуется курсантам «зримым и величественным сооружением из железобетона, огня и человеческой плоти», они идут туда, где «жил фронт». Они, как и лирический герой стихотворения, воспринимают его как живое существо.

Уже самим заглавием К. Воробьев, идя вслед за А. Твардовским, резко полемизирует с русской литературной традицией именования произведений, изображающих боевые действия. Слово «убиты», вынесенное в заглавие, и сама его (заглавия) структура (указывается место, где произошло трагическое событие) в русской и европейской литературной традиции в подавляющем большинстве случаев сигнализируют о высокой вероятности принадлежности текста к детективной литературе. В названиях детективных произведений, в основе сюжета которых лежит раскрытие данного вида преступлений, часто фигурирует слово «убийство». Так, одним из первых детективных рассказов в истории литературы был «Убийство на улице Морг» Э. По. В детективных произведениях речь, как правило, идет об одном или нескольких убийствах. В их названиях, кроме обозначения места преступления, могут содержаться указания на его причину («Убийство из-за ревности»), называться жертва («Убийство Павла I»), время («Убийство во время бала»), упоминаться какие-то обстоятельства события («Убийство без следов», «Убийство под гипнозом»). Некоторые детективы называются предельно лаконично: «Убийство», «Убийца» [1, с. 215-217]. Эмоционально не окрашенное краткое причастие «убиты» в названии повести не уточняет количество жертв, их возраст, национальность, но свидетельствует о насильственной, неестественной смерти персонажей.

До К. Воробьева русская военная проза XIX–XX веков фактически не знала произведений, в названиях которых бы использовались слова, тематически близкие слову «убиты». В первую очередь это касается русской классики, а также книг, посвященных различным войнам: от Отечественной войны 1812 года до Великой Отечественной войны. Следует отметить, что слово «смерть» в заглавии русские писатели использовали чаще, чем слова «убить», «убийство». Вспомним хотя бы наиболее известные, ставшие классическими произведения: «Смерть Ивана Ильича» Л. Толстого, «Смерть чиновника» А. Чехова, «Смерть Тарелкина» А. Сухово-Кобылина, «Смерть Вазир-Мухтара» Ю. Тынянова. В то же время у русских писателей практически не находим не относящихся к детективам произведений со словом «убить» в заглавии. Исключение составляют несколько второ-

степенных произведений: «Убивец» В. Короленко, «Убийство» С. Сергеева-Ценского, «Убийство» А.П. Чехова.

Особенно разительно такое заглавие книги К. Воробьева отличается от названий произведений советской литературы, повествующих о войнах, которое вело государство, начиная с гражданской войны. В прозе о гражданской войне 1920–1930-х годов по названиям наиболее популярных книг не всегда можно было точно предугадать военную тематику произведения: «Два мира» В. Зазубрина, «Падение Даира» А. Малышкина, «Партизаны» Вс. Иванова, «Неделя» Ю. Либединского, «Перегонной» Л. Сейфулиной, «Чапаев» и «Мятеж» Д. Фурманова, «Сорок первый» Б. Лавренева, «Разгром» А. Фадеева, «Белая гвардия» М. Булгакова, «Железный поток» А. Серафимовича, «Первая конная» И. Бабеля, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Россия кровью умытая» А. Веселого.

К моменту появления книги К. Воробьева советская проза, посвященная Великой Отечественной войне, была достаточно разнообразна. Уже были опубликованы книги Ю. Бондарева «Батальоны просят огня» и «Последние залпы», Г. Бакланова «Пядь земли», «Мертвые сраму не имут», А. Бека «Волоколамское шоссе», В. Некрасова «В окопах Сталинграда», К. Симонова «Дни и ночи», первая часть трилогии «Живые и мертвые», А. Фадеева «Молодая гвардия», М. Шолохова «Судьба человека»... Позже, начиная с середины 1960-х годов, появляются книги В. Быкова, В. Кондратьева, В. Астафьева. В названиях своих книг писатели-фронтовики чаще используют слово «смерть». Наряду с вышеперечисленными произведениями можно назвать «Мертвым не больно» В. Быкова, «Герои блока смерти» С. Смирнова, «Смерти смотрели в лицо» В. Шутова и т.д.

Сразу обращает на себя внимание тематическая определенность названий этих и других книг (мы приводим названия наиболее значительных и популярных книг), позволяющая без особого труда отнести их к явлениям военной прозы. Гораздо более активно авторы второй половины двадцатого века используют в названиях слово «смерть» и производные от него: «Мертвые сраму не имут» Г. Бакланова, «Живые и мертвые» К. Симонова.

Литература:

1. Указатель заглавий произведений художественной литературы, 1801 – 1975: В 7 т. Т. VI / Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина, Гос. публ. б-ка им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, БАН СССР. – М., 1991. – 540 с. – С. 215-217.